

ИМПЕРИЯ, КОЛОНИЯ, ГЕНОЦИД

Ключевые слова и философия истории

Э. Дирк Мозес

Если мы своим *поведением* покажем, что рассматриваем туземцев лишь как препятствие, которое нужно обойти или сокрушить, если своим правлением принесем им не благополучие и просвещение, а разрушение, то единственным вопросом между двумя расами станет вопрос жизни и смерти. Рано или поздно Алжир станет кровавой ареной смертельной схватки между этими двумя народами, не знающими пощады и не принимающими милосердия. В такой борьбе один или другой должен будет умереть. Дай бог, чтобы это не стало нашей судьбой.

Алексис де Токвиль [1]

Поэтому мы постоянно подходим к южноамериканским индейцам как с позиции научного исследователя, старающегося быть объективным, так и с сознанием принадлежности к цивилизации, которая совершила своего рода непростительный грех — на мой взгляд, величайший грех, когда-либо совершенный в истории человечества, — уничтожив или попытавшись уничтожить половину богатства человечества.

Клод Леви-Стросс [2]

Введение

«Империя», «колония» и «геноцид» — ключевые слова, особенно насыщенные противоречивыми коннотациями. Немного найдется обществ, которые когда-то не были частью империй, будь то ядро или периферия.

Мало обществ, которые не являются продуктом процесса колонизации, бессистемной или спланированной. Многочисленными

случаями геноцида отмечены имперские завоевания на протяжении веков. Более того, первые два из этих терминов обычно рассматриваются через призму их аналогов из XIX и XX веков, империализма и колониализма, слов, вызывающих неявное осуждение, поскольку они означают господство Европы над неевропейским миром. Термин «империализм» был придуман в середине XIX века для критики стремления к господству и экспансии. Столетие спустя обвинить какую-либо страну в колониализме означало осудить ее за порабощение и эксплуатацию другой страны [3].

Эти ключевые слова подразумевают определенную интерпретацию мировой истории — на самом деле, человеческой истории как таковой, — которую разделяют как сторонники, так и критики европейского господства. Так, Ф. А. Киркпатрик из Кембриджского университета говорил о «колонизации» и «империи», а не о «колониализме» или «империализме», когда в 1906 году он заявил своей аудитории: «Вплоть до XV века наши предки были ограничены этой маленькой Европой и не имели представления о якобы “пустующих” или “полупустых” территориях за морями, которые будто бы ждали их колонизации. Современная колонизация и империя означают распространение Европы по всему миру» [4]. Написав об этом на 20 лет раньше, будущий президент США Теодор Рузвельт приписывал распространение цивилизации исключительно «англоговорящим народам». В отличие от испанских колонистов, которые смешивались с индейцами на американском континенте, англоязычные поселенцы сохранили завоевательный дух и расовую чистоту своих германских предков: «Средний современный англичанин, американец или австралиец, желающий вспомнить о могущественных подвигах, которыми его раса гордилась, может обратиться к полумифической славе Хенгиста и Хорсы¹, возможно, к подвигам Цивилиса

¹ Германцы, братья, по преданию возглавившие англов, саксов и ютов во время их вторжения в Британию в V веке, легендарные основатели города Кент. — *Примеч. ред.*

Батавийского¹ или героя Тевтобургской битвы». Рузвельт также отличал английского тевтона от испанского и французского по характеру его безжалостного государственного строительства. «Англичане истребили или ассимилировали кельтов Британии, и они в значительной степени повторили этот процесс с индейцами Америки» [5]. Дело прогресса мучило совесть. В период между мировыми войнами английский солдат, коллекционер и археолог Джордж Генри Лейн-Фокс Питт-Риверс писал, что, когда «высшая раса» побеждает «низшую», «гуманитарные чувства [часто] неуместны и по большей части совершенно необоснованны. У представителей высшей расы не должно быть причин сожалеть о постепенном исчезновении низшей расы, если только принять во внимание будущее процветание и обогащение мира» [6].

Критически настроенные наблюдатели разделяли столь откровенное признание о цене цивилизации, но без торжества. Французский антрополог Жорж Баландье мрачно заметил в 1951 году: «Одним из самых поразительных событий новейшей истории человечества является экспансия по всему миру большинства европейских народов. Она привела к порабощению и, в некоторых случаях, к исчезновению практически всех народов, считавшихся отсталыми, архаичными или примитивными» [7].

Франц Фанон, психиатр-мартинианец, автор влиятельных книг об освобождении третьего мира, по сути, согласился с ним, перевернув Гегеля с ног на голову: «Запад рассматривал себя как духовное приключение. Именно во имя духа, во имя духа Европы, Европа совершила свои захваты, она оправдывала свои преступления и узаконила рабство, в котором держит четыре пятых человечества» [8]. Хотя они писали вскоре после принятия Организацией Объединенных Наций Конвенции о наказании

¹ Организатор самого мощного антиримского восстания эпохи ранней империи в 69–70 годах (так называемой Батавской войны). — *Примеч. ред.*

и предупреждении геноцида в 1948 году, Баландые и Фанон не использовали этот неологизм, изобретенный во время Второй мировой войны Рафаэлем Лемкиным (1900–1959), для описания судьбы «людей, считающихся отсталыми, архаичными или примитивными». Тем не менее связь между человеческими катастрофами и метанарративом человеческого прогресса была очевидна для европейских и неевропейских интеллектуалов того времени.

О том, какой именно была и есть эта связь, ведутся ожесточенные дебаты по трем ключевым словам этой книги, поскольку на карту поставлена моральная легитимность западной цивилизации, а также, косвенно, легитимность антиколониальной борьбы за национальное освобождение, особенно в свете антиимпериалистической риторики постколониальных диктаторов. Участники дискуссии ставят ряд противоречивых вопросов. Была ли экспансия Запада — то есть европейский колониализм и империализм с конца XV века — по своей сути обреченной на геноцид и в целом преступной? [9] Или же общества были настолько мерзкими и жестокими, что отчаянно взывали к «цивилизующему молоку» европейской культуры? [10] И не были ли геноцид и тоталитаризм на самом деле присущи не столько европейским империям, сколько их отрицаниям, антиимперским, антизападным «освободительным движениям», исламизму, панарабизму, социализму третьего мира красных кхмеров и афрокоммунизму, даже национал-социализму? [11]

Если эти термины кажутся неправдоподобно резкими, анахроничными и даже грубыми, обратите внимание на дискуссии, которые вели предположительно тонкие интеллектуалы в XX и XXI веке. Бенни Моррис, израильский историк, чья кропотливая архивная работа помогла развеять мифы о «рождении проблемы палестинских беженцев» в 1948 году, тем не менее защищал этнические чистки и геноцид как неотъемлемую часть формирования (некоторых) национальных государств и марша человеческого прогресса. «Даже великая американская демократия не могла бы быть создана без уничтожения индейцев», —

сказал он одному из интервьюеров в 2004 году. «Бывают случаи, когда общее, конечное благо оправдывает жестокие и грубые действия, совершаемые в ходе истории» [12]. Утомленный левым антиколониализмом, антирасизмом и антисоциализмом, французский философ Ален Финкелькраут также стремился превзойти нарративы жертв неевропейских колонистов своими собственными:

Я родился в Париже, но я сын польских эмигрантов. Мой отец был депортирован из Франции. Его родители были депортированы и убиты в Освенциме. Мой отец вернулся из Освенцима во Францию. Эта страна заслуживает нашей ненависти: то, что она сделала с моими родителями, было гораздо более жестоким, чем то, что она сделала с африканцами. Что она сделала с африканцами? Только хорошее. Благодаря ей мой отец на пять лет попал в ад. Я думаю, что возвышенная идея «войны с расизмом» постепенно превращается в отвратительную ложную идеологию. И этот антирасизм станет для XXI века тем же, чем коммунизм был для XX века. Источником насилия. Сегодня евреи подвергаются нападкам во имя антирасистского дискурса: разделительный забор, «сионизм — это расизм» [13].

Эти позиции свидетельствуют о том, что после так называемой войны с террором, особенно после 11 сентября 2001 года, дебаты об империи, колониализме и геноциде отличаются фаллической логикой. Комментаторы кричат: «Моя травма больше твоей», чтобы защитить или атаковать теодицею, согласно которой жестокое истребление и исчезновение народов на протяжении веков искупается прогрессом человечества в виде глобальной системы национальных государств, в которой доминирует Запад [14].

Вместо того чтобы предаваться умозрительным спекуляциям о философии истории, ученые могут предложить своим читателям нечто большее, чем эту упрощенную поляризацию, задавая вопросы среднего уровня, которые поддаются эмпирической проверке [15]. Ниже приведены подходящие вопросы:

что основатель «исследований геноцида» Лемкин хотел сказать о связях между империями, колониями и геноцидами? Что можно сказать в целом об их взаимосвязи? И как с ними связан Холокост? Постановка этих вопросов позволяет нам задуматься о том, отличаются ли колониальные завоевательные войны и контрповстанческие действия от геноцида в Европе. Действительно, должен ли колониальный геноцид или «индигеноцид» быть подкатегорией анализа, отличной от собственно геноцида [16]. Или же колониальная логика присутствует во всех геноцидах. Должно ли государство считаться преступником в тех случаях, когда поселенцы убивали коренное население без официальных полномочий? И наоборот, может ли коренное население совершать геноцид против поселенцев-колонизаторов? И наконец, можно ли обнаружить какую-либо последовательность или закономерность в отношениях между тремя ключевыми словами и в таких сложных и полных противоречий явлениях, как империи, с их запутанным разнообразием форм управления и различными способами вовлечения подчиненных народов в свои проекты? [17]

Отвечая на эти вопросы, историки должны помнить о подводном камне, присущем исследованиям геноцида [18]. Поскольку геноцид изначально рассматривался как юридическая концепция и преступление в международном праве, велик соблазн «поймать мошенника», а не «написать книгу» [19]. Если моральное и эмоциональное удовлетворение от выявления и обличения злодеев наносит символический удар по выжившим сообществам жертв, то позиция «судьи-карателя» в историографии таит в себе опасность чрезмерного упрощения исторической записи, представляя каждый случай геноцида как аккуратно организованную драму с пассивными жертвами, злыми преступниками и бездушными сторонними наблюдателями [20]. Сложности имперских систем, такие как напряженность между непрямым правлением и авторитарным управлением, эксплуатацией ресурсов и экономической модернизацией, между колонизацией и культурной адаптацией, невозможно свести к единственному вопросу: «Был ли геноцид?»

Существуют столько же способов изучения этих феноменов, сколько колоний и империй [21].

В то же время культурные и физические разрушения, сопутствовавшие основанию колоний и расширению империй, не должны преуменьшаться консерваторами во имя западного самодовольства и ностальгии по эдвардианским временам или игнорироваться непреднамеренно тихим постколониальным увлечением конструированием идентичностей и запутанными сетями культурной циркуляции [22]. Несмотря на различия в политических намерениях этих двух позиций, их объединяет желание разрушить бинарную оппозицию «колонизатор/колониализированный», «угнетатель/угнетенный», «центр/периферия», чтобы рассматривать империи и колонии в менее жестких терминах. Вместе они видят

колониализм зачастую выступал как источник творчества и экспериментов, и хотя колониальные столкновения, безусловно, не обходятся без боли, они приводят к разрушению ценностей со всех сторон, создавая новые способы ведения дел в материальном и социальном смысле. Акцент на творчестве уводит нас от таких понятий, как фатальное воздействие, господство и сопротивление или ядро и периферия, подчеркивая, что колониальные культуры создавались всеми, кто в них участвовал, так что все обладали агентностью и давали социальный эффект, причем и колонизаторы, и колонизируемые радикально менялись под воздействием этого опыта [23].

Это взгляд на колонизацию и империю, который на самом деле не допускает возможности геноцида. Но должна ли историография быть игрой с нулевой суммой? Инвестиции в колонизируемых не означают, что империю нужно рассматривать как симметрично структурированную возможность для культурного обмена. Сохранять верность сложному и случайному прошлому не означает отказываться от поиска закономерностей и логики. Это значит, что объектом исследования становятся совокупность экономических, социальных и политических отношений

между людьми в колониальной ситуации; различные претензии на власть и сопротивление им; процессы эскалации, вызванные реальными, надуманными или мнимыми кризисами безопасности; успехи колониального государства в «умиротворении» и поглощении или изгнании «туземцев»; вовлечение части коренного общества в такие проекты; а также, в равной степени, неудачи метрополий в реализации своих амбиций. Правильная нота прозвучала из уст Дональда Блоксэма, который заметил в связи с геноцидом армян, что «можно категорически утверждать, что убийства действительно были геноцидом... но признание этого факта должно быть побочным продуктом работы историка, а не его конечной целью или основой» [24]. Геноцид должен объясняться как результат сложных процессов, а не исключительно злыми намерениями нечестивых людей. Задача историков — проследить, как высокоструктурированные отношения между геополитикой и государствами, государствами и подвластными группами, элитами и их бюрократией воплощаются в конкретных ситуациях и сами подвергаются воздействию со стороны отдельных людей [25].

Рафаэль Лемкин, польско-еврейский юрист, который в 1944 году ввел в обиход термин «геноцид» и ратовал за его криминализацию в международном праве, боролся с дилеммой оценки прошлого [26]. Историки, считал он, были увлечены ранкеевским¹ подходом к межгосударственным отношениям в ущерб «роли человеческой группы и ее испытаниям». «Возможно... историки в какой-то степени виноваты, потому что они привыкли представлять историю в большинстве случаев с точки зрения войн за территориальную экспансию, королев-

¹ Термин, отсылающий к методологии знаменитого немецкого историка Леопольда фон Ранке (1795–1886), который утверждал, что задача историка — показывать прошлое, «как оно было на самом деле». Основными чертами этого подхода являются культ архивов, акцент на политическую историю и иллюзия беспристрастности. — *Примеч. ред.*

ских браков, но они подчеркивали гибель цивилизаций в результате геноцида». «Пора рассматривать историю с точки зрения выживания человеческой группы, — считал он, — потому что борьба против уничтожения человеческой группы имеет более глубокое моральное значение, чем борьба между государствами» [29]. Намерение Лемкина реорганизовать историческое исследование было, таким образом, явно активистским: исторические знания должны были служить воспитанию сознания в настоящем. Следовательно, изучение геноцида должно было быть научным, и при разработке своей концепции и написании аналитических материалов он опирался на научные труды своего времени. По этой причине любой анализ колонии, империи и геноцида должен начинаться с его идей.

Лемкин, геноцид и империя

Демонстрация того, что геноцид был постоянной чертой истории человечества, легла в основу публичной кампании Лемкина по объявлению геноцида вне закона в международном праве в конце 1940-х и 1950-х годов. Перед смертью в 1959 году он почти закончил книгу о геноциде в мировой истории, но, к несчастью, издатели не заинтересовались его рукописью [30]. Помимо рукописи своей книги, он также писал о геноциде в прессе. Вот типичное высказывание из его публикаций во время предвыборной кампании: «Разрушение Карфагена, уничтожение альбигойцев и вальденсов, крестовые походы, поход тевтонских рыцарей, уничтожение христиан под властью Османской империи, резня гереро в Африке, истребление армян, резня христиан-ассирийцев в Ираке в 1933 году, уничтожение маронитов, погромы евреев в царской России и Румынии — все это классические случаи геноцида» [31]. Многие из этих случаев произошли в колониальном и имперском контексте или были случаями колонизации, как в случае с тевтонскими рыцарями и прусскими язычниками в XIII веке, где имел место «частичный физический и полный

культурный геноцид» [32]. Фактически большинство его примеров из Евразийского континента были взяты из континентальных империй: Римской, империи монголов, Османской империи, Карла Великого и распространения немецких народов на восток со времен Средневековья [33].

Внеевропейские колониальные случаи также занимают видное место в этой предполагаемой глобальной истории геноцида. В «Части III: Современные времена» он написал следующие пронумерованные главы: (1) Геноцид немцев против коренных африканцев; (3) Бельгийское Конго¹; (11) Гереро²; (13) Готтентоты³; (16) Геноцид против американских индейцев; (25) Латинская Америка; (26) Геноцид против ацтеков; (27) Юкатан⁴; (28) Геноцид против инков; (29) Геноцид против маори Новой Зеландии; (38) Тасманийцев⁵; (40) племен Юго-Западной Африки; и, наконец, (41) коренных жителей Австралии [34]. И он тщательно проанализировал способы геноцида в ситуациях, когда европейские колонисты, как правило, **уступали по численности** коренному населению. «Здесь необходимо уточнить, что подвергающиеся геноциду группы могут представлять собой большинство, контролируемое могущественным меньшинством, *как в случае с колониальными обществами*. Если большинство не может быть подавлено правящим меньшинством и рассматривается как угроза власти меньшинства, то иногда это приводит к геноциду (например, американские индейцы)» [35].

Но Лемкин не просто писал о геноциде в колониальном контексте; он определил это понятие как внутренне колониальное. На первой странице соответствующей главы своей книги

¹ Бельгийская колония в Центральной Африке. — *Примеч. ред.*

² Народ группы банту в Намибии. — *Примеч. ред.*

³ Этническая общность на юге Африки. — *Примеч. ред.*

⁴ Полуостров в Центральной Америке. — *Примеч. ред.*

⁵ Коренное население о. Тасмания, бродячие охотничьи племена. — *Примеч. ред.*

«Господство оси в оккупированной Европе» он писал: «Геноцид имеет две фазы: первая — уничтожение национального уклада угнетенной группы; вторая — навязывание национального уклада угнетателя. Это навязывание, в свою очередь, может быть осуществлено по отношению к угнетенному населению, которому разрешено остаться, или только на территории, после удаления населения и колонизации территории собственными гражданами угнетателя» [36].

Хотя то, что Лемкин связал геноцид и колониализм, может удивить тех, кто считает, что его неологизм был создан по образцу Холокоста европейского еврейства, исследование развития его мысли показывает, что эта концепция является кульминацией давней традиции европейской правовой и политической критики колонизации и империи [37]. Действительно, новая дисциплина «Исследование геноцида» является продолжением давних европейских дебатов о моральности и законности оккупации и господства над другими народами. Как пишет Эндрю Фицморис в этой книге, европейские богословы, философы и юристы обсуждали моральность и законность оккупации со времен испанского завоевания Америки в XVI веке. Эти испанские интеллектуалы, в частности Бартоломе де Лас Касас и Франсиско де Витория, основывали свои аргументы на естественном праве, которое наделяло коренные народы правами. Гуго Гроций, Самуэль фон Пуфендорф, Эмерик де Ваттель и Кристиан фон Вольф продолжили эту линию критики. В XIX и XX веках она по-разному воплощалась гуманитариями, которые осуждали жестокое обращение колониальных властей и поселенцев с «коренными народами» [38].

Юристы XX века, защищавшие права коренных народов, такие как Чарльз Солон и Гастон Жезе, тщательно изучали труды Витории при формировании своих взглядов. Как и Лемкин, который, вероятно, был знаком с Жезом в 1920-х годах. Но Лас Касас был его героем: его «имя живет в веках как имя одного из самых достойных восхищения и мужественных крестоносцев за

человечество, которых когда-либо знал мир» [39]. Лемкин явно присвоил точку зрения Лас Касаса в своем исследовании «Испанский колониальный геноцид» (*Spanish Colonial Genocide*). Свою книгу о правлении нацистской империи в оккупированной Европе он назвал «Ось» (*Axis Rule in Occupied Europe*), чтобы вписать ее в традицию критики жестоких завоеваний. Геноцид для Лемкина был особой формой иностранного завоевания и оккупации. Он обязательно носил имперский и колониальный характер. В частности, геноцид был направлен на то, чтобы навсегда изменить демографический баланс в пользу оккупанта. В связи с нацистским примером он писал, что «в этом отношении геноцид — это новая техника оккупации, направленная на завоевание мира, даже если сама война проиграна» [40]. Любые сомнения в том, что корни концепции геноцида лежат в 500-летней традиции естественно-правовой критики империализма, а не в реакции Лемкина на геноцид армян или Холокост, могут быть развеяны его собственными словами:

История геноцида дает примеры пробуждения гуманитарных чувств, которые постепенно кристаллизовались в формулах международного права. Пробуждение мировой совести можно отнести к тем временам, когда мировое сообщество заняло активную позицию по защите человеческих групп от вымирания. Бартоломе де Лас Касас, Витория, гуманитарные интервенции — все это звенья одной цепи, ведущей к провозглашению геноцида международным преступлением со стороны ООН [41].

Антиколониализм и антиимпериализм?

Хотя сам Лемкин придерживался либеральных взглядов, он не разделял апологетику империи либералами вроде Алексиса де Токвиля, которые горячо одобряли насильственное завоевание Алжира Францией [42]. Лемкин был потрясен удручающими данными о страданиях угнетенных от рук оккупантов, так же как постлиберал Жан-Поль Сартр был возмущен французскими

репрессиями в алжирском городе Сетиф и бомбардировками и обстрелами мусульманского гражданского населения поблизости, в результате которых в 1945 году погибли, возможно, многие тысячи арабов [43]. Действительно, Лемкин разделял с такими постлиберальными антиимпериалистами представление о непринудительном взаимодействии человеческих групп. Когда Эме Сезер в своем знаменитом обличении колониализма говорил о невозможности подлинного соединения «разных миров» [44], он, как и Лемкин, несомненно поддержал бы концепцию «срединной земли» (*middle ground*) Ричарда Уайта, в которой речь идет о пространствах, где народы, торгуя и ведя переговоры, создавали формы взаимной адаптации, выходящие за рамки упрощенной дихотомии «господство — подчинение» [45]. Опираясь на теорию культурных изменений Бронислава Малиновского, Лемкин выступал за то, что он называл «культурной диффузией» через внутрикультурный обмен. Она включала в себя:

Постепенные изменения, происходящие посредством непрерывной и медленной адаптации культуры к новым ситуациям. Новые ситуации возникают в результате физических изменений, творческих энергий внутри культуры и влияния извне. Если их нет, культура становится статичной; если они появляются, но не сопровождаются адаптацией всего культурного паттерна, культура становится менее интегрированной. В любом случае она становится слабее и может полностью распасться под воздействием сильных внешних влияний. Подъем и упадок цивилизаций объясняются на этой общей основе [46].

Но если Сезер считал, что «никто не колонизирует безвинно», то Лемкин, как и Лас Касас, не выступал против колонизации или империи как таковой [47]. Империи, управляемые гуманно, способствуют прогрессу человечества посредством «диффузии», полагал он. Как и Малиновский, Лемкин считал, что культурные изменения происходят под влиянием экзогенных факторов, когда более слабые общества перенимают институты более эффективных обществ или поглощаются ими, поскольку те лучше

удовлетворяют основные потребности. «Диффузия происходит постепенно и относительно спонтанно, — писал Лемкин, — хотя она может привести к окончательному распаду слабой культуры» [48]. Он не стал бы возражать против финикийской колонизации западного Средиземноморья, где «сближение и использование коренного населения» и плодотворное культурное взаимодействие привели к его ассимиляции в течение двух поколений [49]. Империя, которая способствовала диффузии, управлялась «косвенным правлением», утверждал Малиновский, потому что она якобы способствовала автономному приобретению коренным населением европейских институтов [50]. Лемкин был согласен с этой оценкой, как мы увидим ниже.

Более того, Лемкин сохранял либеральную веру в международное право, которое он считал главным цивилизационным инструментом борьбы с геноцидом. Ведь геноцид, по его мнению, был возвращением к варварским временам, когда не существовало законов войны для защиты гражданского населения. Поскольку западный империализм, каким бы жестоким он порой ни был, распространял это международное право, Лемкин не разделял откровенного антиимпериализма левых интеллектуалов вроде Сартра и Фанона, для которых все империи, по крайней мере капиталистические, влекли за собой эксплуатацию и деградацию коренного населения [51]. Как мы уже видели, Фанон не терпел подобных либеральных воззрений о моральном или этическом прогрессе, который, по его мнению, неизбежно происходил за счет неевропейцев.

Геноцид и культура

Лемкина глубоко тревожили такие оккупационные режимы, как немецкое колониальное правление в Африке, которое в конечном счете вылилось в геноцид в немецкой Юго-Западной Африке и немецкой Восточной Африке в 1904–1907 годах. «В немецких колониях не было сделано ни одной попытки уважать обычаи

местных племен или вернуть вождям их прежнее достоинство и власть. Вожди были лишены своих привилегий, и единственное, что им было разрешено, была власть, делегированная им немецкими чиновниками, причем использовалась она исключительно в целях наемного принудительного труда. Если вожди не могли сотрудничать во всем, что от них требовалось, их систематически подвергали жестокому обращению, пороли и сажали в тюрьму даже за самые пустяковые проступки» [52]. Эта цитата дает нам представление о концепции геноцида Лемкина. Его больше волновала утрата культуры, чем гибель людей. В своей переписке с прокурорами Нюрнберга он призывал их изменить обвинение, включив в него геноцид. Он писал:

В свете этих доказательств представляется, что термин «геноцид» является правильным, поскольку обвиняемые стремились уничтожить, искалечить или унижить целые народы, расовые и религиозные группы. Термины «массовое убийство» или «массовое истребление» в свете представленных до сих пор доказательств представляются неадекватными, поскольку они не передают расовую и национальную мотивацию преступления. Массовое убийство или массовое истребление не передают элементов отбора и не указывают на культурные потери, которые несут жертвы нации. Если все 125 000 островитян будут уничтожены, это будет означать не только исчезновение 125 000 человек, но и исчезновение островной культуры с ее старым языком, национальными устремлениями и всем вкладом, который островная нация сделала или может сделать для человечества в будущем [53].

Почему культура занимала центральное место в концепции геноцида Лемкина? Опираясь на функционалистскую антропологию сэра Джеймса Фрэзера и Малиновского, он утверждал, что культура, которую он называл «производными потребностями» или «культурными императивами», является такой же составляющей жизни человеческой группы, как и индивидуальное физическое благополучие (то есть базовые потребности). Культура интегрировала общество и обеспечивала удовлетворение

индивидуальных базовых потребностей. Эти «так называемые производные потребности, — писал Лемкин, — так же необходимы для их существования, как и основные физиологические потребности». Он развил эту мысль следующим образом: «Эти потребности находят свое выражение в социальных институтах или, если воспользоваться антропологическим термином, в культурном этосе¹. Если культура группы насильственно подрывается, сама группа распадается, и ее члены должны либо влиться в другие культуры, что является расточительным и болезненным процессом, либо поддаться личной дезорганизации и, возможно, физическому уничтожению» [54]. По этим причинам, заключает он, «уничтожение культурных символов — это геноцид». Уничтожение их функций «ставит под угрозу жизнь социальной группы, которая существует благодаря своей общей культуре» [55].

В связи с этим мы подходим к непростому вопросу о «культурном геноциде», который занимает центральное место в изучении колониализма, поскольку он так часто связан с проектами ассимиляции коренного населения. Лемкин был в корне неправильно понят исследователями геноцида, которые утверждают, что он не поддерживал концепцию культурного геноцида. На самом деле он хотел, чтобы культурный геноцид был включен в конвенцию 1948 года. Ссылаясь на проект конвенции 1947 года, подготовленный Секретариатом, в котором содержался раздел о культурном геноциде, он писал: «Культурный геноцид — это наиболее важная часть Конвенции» [56]. Он лишь неохотно согласился на ее исключение по тактическим соображениям [57]. Тем не менее из его многочисленных высказываний на эту тему трудно получить четкий ответ о его собственном определении этого термина. Является ли принудительное обращение в веру геноцидом? Иногда он предпо-

¹ Слово «этос» греческого происхождения и имеет несколько значений: обычай, характер, поведение, образ мыслей. — *Примеч. ред.*

лагал, что да: например, в действиях испанских священников в Америке [58]. В других случаях он это отрицал: «Культурный геноцид не обязательно должен включать в себя замену новых черт культуры (как, например, насильственное обращение), но может злонамеренно уменьшать численность группы-жертвы, чтобы сделать ее членов более беззащитными перед лицом физического уничтожения». «Денацификация», или «германизация», — навязывание завоеванному народу «национальной модели поведения» завоевателя — неудовлетворительны, поскольку «они рассматривают главным образом культурные, экономические и социальные аспекты геноцида, оставляя в стороне биологические аспекты, такие как физический упадок и даже истребление» [60]. Неужели он безнадежно запутался?

Более внимательное изучение его трудов показывает, что, верный своей концепции групповой жизни, он не рассматривал разрушение культуры в отрыве от физического и биологического элементов группы. В изученных им случаях геноцида нападения на культуру неразрывно переплетались с более широким нападением, охватывающим все существование группы: «Физическому и биологическому геноциду всегда предшествует культурный геноцид или нападение на символы группы, или насильственное вмешательство в религиозную или культурную деятельность». Для того чтобы эффективно бороться с преступлениями геноцида, необходимо вмешаться на самом начальном этапе преступления» [61]. Массовые убийства нацистами также нельзя было отделить от их атаки на культуру. «Параллельно с уничтожением «неудобных» шло систематическое разграбление произведений искусства, книг, закрытие университетов и других учебных заведений, разрушение национальных памятников» [62].

Мы можем сформулировать позицию Лемкина в отношении геноцида, рассматривая его как «тотальную социальную практику», затрагивающую все аспекты жизни группы [63]. Разумеется, его нельзя сводить к массовым убийствам, как это часто происходит в массовом сознании и даже в исследованиях геноцида.